ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА: ОТВЕТ НА КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Аннотация. На страницах журнала «Lex Russica» (2015, № 6) появилась рецензия на коллективную монографию «Социокультурная антропология права», соредактором и соавтором которой я имел честь выступить. В связи с высказанными критическими замечаниями представляется важным сформулировать перспективы и не до конца решенные проблемы социокультурной антропологии права как научно-исследовательской программы. Рецензенты отмечают, что в работе недостаточно освещен важный вопрос о роли объективных интересов отдельных личностей и социальных групп, а также большинства населения; что авторы книги фактически игнорируют объективные (не зависящие от воли людей и их менталитета) факторы воздействия, участвующие в формировании норм права. Однако объективность в социальных науках с позиций постклассической (постнеклассической) эпистемологии отличается от классического образца научной объективности, сформированной естествознанием, тем, что она имманентно интерсубъективна. Это не отрицает, но заставляет переосмыслить объективность: она конструируется людьми, их социальными представлениями, опосредованными историческим и социокультурным контекстом. Интерсубъективность свидетельствует о том, что право — социальное явление, опосредующее и одновременно включающее межличностные взаимодействия. Объективность правового института — это социальное представление, интериоризируемое в правосознание отдельных индивидов, воспроизводимое их практиками. Правовая культура как знаковое опосредование прав, выполняет одну из своих важнейших функций — источника правообразования, наделяя юридической значимостью социальные события и процессы. Интересы включаются в правовые типизации юридической повседневности и входят в мотивацию практик людей — носителей статуса субъекта права. Люди руководствуются индивидуальными мотивами поведения, удовлетворяют соответствующие потребности, соотнося их с юридическими ожиданиями — ожиданиями адекватного поведения со стороны контрагента по взаимодействию и требованиями нормы права. При этом в юридической повседневности человек руководствуется преимущественно тремя основными мотивами, которые находятся в сложном пересечении и зачастую взаимодополняют друг друга: укрепления личной социальной значимости (например, карьерный рост); максимизации полезности (личной пользы); обеспечения стабильности существования (снижение нагрузки, увеличение предсказуемости, конформность), — с учетом соотношения с возможным, должным или запрещенным поведением, сформулированным в норме права и конкретной жизненной ситуацией.

© Честнов И. Л., 2016

* Честнов Илья Львович, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии генеральной прокуратуры РФ, заслуженный юрист РФ
ichestnov@gmail.com
191104, Россия, г. С.-Петербург, Литейный пр., д. 44

Ключевые слова: социокультурная антропология права, социальное действие права, постклассическая методология права, конструируемость права, интерсубъективность права.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.225-233

На страницах журнала «Lex Russica» (2015, № 6) появилась рецензия на коллективную монографию «Социокультурная антропология права», соредактором и соавтором которой я имел честь выступить¹. В связи с этим я от лица соавторов выражаю искреннюю благодарность нашим коллегам из Тамбовского государственного университета д. ю. н., проф. В. Г. Баеву и к. ю. н., доц. А. Н. Марченко за положительную оценку и популяризацию нашей работы, а также за критические замечания, которые стимулируют к дальнейшим исследованиям. В то же время в связи с высказанными замечаниями хотелось бы прояснить свою позицию по достаточно важным вопросам современной юридической науки.

Социокультурная антропология права, основывающаяся на постклассической методологии, — это в определенном смысле ответ на вызов, который был брошен науке (и юридической в том числе) постмодернизмом и другими «пост»-течениями (постпозитивизмом и постструктурализмом) в конце XX в. Релятивизм, несоизмеримость, проблематизация критериев научности — эти и другие положения вошли в постсовременную эпистемологию и требуют реагирования научного сообщества. Такая реакция может быть консервативной — не замечать вызова. Но отмахнуться от действительно сложных (сложнейших) вопросов со стороны П. Фейерабенда, Р. Рорти, Ж. Деррида и других критиков классического науковедения уже невозможно. Поэтому наука (и юриспруденция) должна искать позитивную программу выхода из тупика субъективизма деконструкции методологического анархизма. Одним из вариантов позитивной научно-исследовательской программы переосмысления основ классического правоведения с позиций постсовременности как раз и является социокультурная антропология права.

Основная идея постклассической социокультурной антропологии права состоит в «очеловечивании» правовой реальности. Любой (каждый) социальный институт и процесс существует через практики — ментальные и поведенческие — людей. Именно люди их конструируют и наполняют содержанием, которое состоит в социальных представлениях, значениях и смыслах, приписываемых этому институту (процессу), и в действиях, которыми институт (процесс) воспроизводится. В то же время любой человек социализирован культурным контекстом, и поэтому содержание правовой реальности обусловлено правовой культурой, понимаемой как знаковое опосредование (осмысление и означивание) всего того, что окружает человека.

Авторы рецензии пишут, что в нашей работе «недостаточно освещен важный вопрос о роли объективных интересов отдельных личностей и социальных групп, а также большинства населения. Авторы книги фактически игнорируют объективные (не зависящие от воли людей и их менталитета) факторы воздействия, участвующие в формировании норм права. Если в работе рассматривается главным образом ментальная составляющая права, то каким образом менталитет “элит и референтных групп” формирует правовую норму, а затем воплощает ее в социальные “практики”? Несомненно, что объективный интерес, прежде чем стать движущей силой социального (в том числе и правового) развития, должен быть осознан людьми (субъектами права)»².

Это действительно очень важный вопрос, и он требует обстоятельного осмысления. В первую очередь, следует прояснить философскую проблему объективности с позиций постклассической методологии. Социальная онтология, если использовать категории классической философии, взаимодополняется и во многом

¹ Баев В. Г., Марченко А. Н. Рецензия на коллективную монографию «Социокультурная антропология права» (под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб : Алеф-Пресс, 2015. 840 с.) // Lex Russica. 2015. № 6. С. 114—118.

² Баев В. Г., Марченко А. Н. Указ. соч. С. 114.

определяется эпистемологией³. Любое социальное действие становится таковым только тогда, когда предполагается известным окружающим, то есть получившим наименование и значение (по терминологии Ю. Кристевой — наделение его социальным значением с помощью помещения в контекст интертекста)⁴. Таким образом, знак — конститутивный (т.е. необходимый) элемент или аспект социальной (и правовой) реальности, хотя последняя не сводится только к знаковости⁵.

В то же время социальные явления и процессы отличаются интенциональностью: они приводятся в действие целью и мотивацией акторов. Поэтому их описание одновременно является интерпретацией, которая всегда зависит от позиции наблюдателя (того, кто проводит эту интерпретацию). Описание, включающее интерпретацию, предполагает экспликацию как объективной (внешней) стороны деяния, так и субъективной, психической (внутренней). Именно этот момент отличает объективность в социальных науках от классического образца научной объективности, сформированной естествознанием. Такая социокультурная объективность с позиций постклассической эпистемологии является имманентно intersubjectивной⁶.

Intersubjectивность снимает основную дихотомию классической социальной философии — объективное/субъективное — и тем самым формирует отличающееся от классического (традиционного) измерение права. «Конститутивная методология», образующая содержание intersubjectивности, «исходит из того, что объективность (т.е. всеобщность и необходимость) любого конститутивного предмета, в том числе и Другого в качестве “второго Я”, гарантирована следованием определенным процедурам феноменологического конституирования», — пишет Н. М. Смирнова⁷. Другими словами, объективность конструируется людьми, их социальными представлениями, опосредованными историческим и социокультурным контекстом.

Intersubjectивность свидетельствует о том, что право — социальное явление, опосредующее и одновременно включающее межличностные взаимодействия. Однако тем самым проблематизируется понятие общества или социальности как основания всех явлений и процессов, изучаемых обществознанием. «Нет такой вещи, как общество, — прозорливо заявила в свое время М. Тэтчер, — а есть отдельные мужчины, женщины и их семьи»⁸. Действительно, сегодня понятие «общество», ранее казавшееся самоочевидной данностью, стало одним

³ «Ситуация реальна настолько по своим последствиям, насколько она воспринимается как реальная», — афоризм У. Томаса, получивший с легкой руки Р. Мертона название «теоремы Томаса» (см.: *Thomas W. Das Kind in Amerika // Person und Sozialverhalten / Hrsg. von E. Volkart. Neuwied, 1965. S. 114*). Об этом же пишет У. Бек: «Можно сформулировать нечто вроде основного закона новой политики и политической теории: изменение реальности предполагает изменение подхода. Политика состоит и возникает из толкования ею исторической ситуации» (см.: Бек У. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия*. М., 2007. С. 365).

⁴ Если какое-либо явление фактически существует, но о нем ничего не известно сегодня живущим людям, то его в социальном смысле нет.

⁵ Реальность, по мнению В. П. Руднева, есть знаковая система, т.к. мы не можем воспринимать реальность, не пользуясь системой знаков (см.: *Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста*. М., 2000. С. 180). В другой работе он утверждает: «Мне представляется, что реальность есть не что иное, как знаковая система, состоящая из множества знаковых систем разного порядка, то есть настолько сложная знаковая система, что ее средние пользователи воспринимают ее как незнаковую. Но реальность не может быть незнаковой, так как мы не можем воспринимать реальность, не пользуясь системой знаков. Поэтому нельзя сказать, что система дорожной сигнализации — это знаковая система, а система водоснабжения — незнаковая. И та и другая одновременно могут быть рассмотрены и как системы вещей, и как системы знаков» (см.: *Руднев В. П. Реальность как ошибка*. М., 2011. С. 12).

⁶ Intersubjectивность выступает одним из важнейших отличий постклассической (или постнеклассической) эпистемологии.

⁷ *Смирнова Н. М. Трансцендентальная intersubjectивность и проблема «чужих сознаний» // Intersubjectивность в науке и философии / под ред. Н. М. Смирновой*. М., 2014. С. 193.

⁸ *Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М., 2012. С. 15.

из наиболее проблематичных в социальной философии, социологии, а во всех социальных науках. Ни одно понятие не применяется так неререфлексивно, как понятие общества, утверждает И. Валлерстайн⁹. Из проблематичности экспликации понятия «общество» вытекают затруднения при определении социальных институтов, социальных групп. Существуют ли социальные институты и социальные группы как некая объективная данность, материальная «вещь»? «Немногие понятия общественных наук представляются столь же базовыми и даже необходимыми, как понятие группы, — заявляет Р. Брубейкер. — “Группа” представляется беспроblemным, само собой разумеющимся понятием, которое будто бы не требует специального разбора или разъяснения. В результате мы начинаем считать само собою разумеющимся не только понятие группы, но и “группы” — мнимые вещи-в-мире, к которым относится это понятие»¹⁰. Отсюда вытекает «тенденция к пониманию этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, к которым могут быть приписаны интересы и деятельность»¹¹. По мнению американского социолога, необходимо проводить четкое различие между группой и категорией: «Если под группой мы понимаем внутренне взаимодействующий, взаимно и сообща признающий, имеющий общую направленность, эффективно коммуницирующий ограниченный коллектив, который обладает чувством солидарности, корпоративной идентичностью и способностью к согласованному действию, и даже если мы придерживаемся менее жесткого понимания “группы”, должно быть ясно, что категория не есть группа. В лучшем

случае она является базисом для образования группы или “групповости”.

Благодаря последовательно проводимому различию между категориями и группами мы можем осознать отношение между ними как проблему, а не как данность. Мы можем спросить о степени групповости, связанной с конкретной категорией в конкретной ситуации, и о политических, социальных, культурных и психологических процессах, посредством которых категории наделяются групповостью. Мы можем спросить, как люди — и организации — *совершают действия с категориями*. <...> Мы можем анализировать организационные и дискурсивные пути категорий — процессы, посредством которых они институционализируются и внедряются в административные порядки и вписываются во влиятельные в культурном и символическом отношении мифы, воспоминания и нарративы»¹².

Действительно, проблема социальных структур, коллективных образований, способ их бытия — одна из самых острых в социальной философии. При этом от того или иного способа ее решения зависит ответ на вопросы бытия права, государства, нормы права, правового института. Обладают ли общеправовые категории (норма права, правоотношение, правонарушение и др.) собственным объективным бытием, как, в какой (или каких) формах они существуют? Это один из важнейших и сложнейших вопросов философии права, который, как и другие философские вопросы, не имеет единственного (или единственно верного) решения. С позиций современной постклассической эпистемологии¹³ социальных структур¹⁴,

⁹ Урри Дж. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 22—23.

¹¹ Брубейкер Р. Указ. соч. С. 22—23.

¹² Брубейкер Р. Указ. соч. С. 32—33.

¹³ См. подробнее: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 130—236 ; Он же. Методология социокультурной антропологии права // Социокультурная антропология права : коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб., 2015. С. 126—141.

¹⁴ «Структура, — полагает И. Ф. Девятко, — фундаментальное понятие социальной теории, описывающее неявные, скрытые от непосредственного наблюдения, однако выявляемые относительно автономных от субъективных интенций во всех без исключения областях социальной жизни надындивидуальные социальные и психологические устройства, детерминирующие как непосредственный индивидуальный опыт, так и совокупную социальную практику людей» (см.: Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003. С. 65). Соглашаясь с приведенным определением, следует тем не менее заметить, что «социальные» устройства суть психические образы или «социальные представления», по терминологии С. Московичи, а не «вещи» или данности, обладающие «надындивидуальным», как «внечеловеческим», существованием.

коллективных образований не существует как неких данностей или «вещей», а существуют отдельные люди, их совместные действия и представления, образы поведения как правильные/неправильные, эффективные/неэффективные и т.д. В то же время люди объединяются в социальные группы на основе некоторых общих представлений о желательности такого объединения или другого объединяющего фактора (часто это происходит неосознанно, например в силу рождения). Поэтому социальная группа, а также и социальный институт — это представления (социальные репрезентации) о некотором единстве, общей идентичности¹⁵ определенной части людей¹⁶. Эти социальные представления, повторюсь, суть не объективная данность, обладающая собственным, внеиндивидуальным бытием, субстанциональностью, целью и деятельностью, а социальный конструкт, «воображаемые (т.е. сконструированные) сообщества»¹⁷.

«Социальный мир, — писал К. Касториadis, — в каждом отдельном случае сформирован и структурирован в зависимости от системы... значений, и, однажды возникнув, они существуют в поле *фактически воображаемого* (или *воображенного*) / <...> Но что это и кто это — “мы”, группа, коллектив, общество? Прежде всего это символ, знак своего существования, которым наделяет себя каждое племя. Прежде всего это условное и произвольное имя, но в какой степени оно является условным и произвольным? Это означающее обозначает коллектив, но не как простое название, оно обозначает его и как понимание, как качество и свойство. <...> Имя в данном случае не ограничивается указанием, оно провоцирует определенные ассоциации, отсылающие нас к означаемому, которое не принадлежит и не может принадлежать ни плану реального, ни плану рационального. Означаемое в данном случае рождается в поле воображения, каким бы

специфическим ни были содержание и природа этого воображения»¹⁸. Цель и деятельность, как и объективность, привносится в социальную группу (объединение людей) общественным сознанием, механизмом означивания (наделения значением) и их интериоризации в личностные смыслы. В основе процесса атрибутирования (или аскрипции) объективности бытия социальной структуры лежит механизм «амнезии происхождения» или «анкоринга» и «объективизации» социокультурной инновации.

Таким образом, постклассическая методология вносит свою лепту в решение этого вопроса, отказываясь от противопоставления этих полярных позиций (методологического холизма и индивидуализма) в пользу их взаимной дополнительности, взаимообусловленности или диалога. Так, Э. Гидденс в своей теории структуризации формулирует концепцию дуальности структуры. «Субъектов деятельности и структуры нельзя рассматривать как две независимые друг от друга категории; таким образом, речь в данном случае идет не о дуализме, а о дуальности (двуединстве). В соответствии с представлениями о дуальности структуры, структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью. Структура не является чем-то “внешним” по отношению к индивидам: будучи своего рода “отпечатками” в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее “внутренней”, нежели внешней (как это считал Дюркгейм) по отношению к их деятельности. Структуру нельзя отождествлять с принуждением, она всегда как ограничивает, так и создает возможности для действия»¹⁹.

Вышеизложенное дает основание заключить, что объективность правовых институтов, явлений и процессов в постклассической пара-

¹⁵ Необходимо оговориться, что идентичность — не менее проблематичное понятие в современной социологии и социокультурной антропологии, нежели общество или социальная группа (см.: Брубейкер Р. Кризис «идентичности» в общественных науках // Этничность без групп. С. 63—69).

¹⁶ Такая точка зрения была высказана еще классиком социологии Э. Дюркгеймом, который институтом называл «все верования, все поведение, установленное группой» (см.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20).

¹⁷ Термин «воображаемые сообщества» принадлежит Б. Андерсону (см.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001).

¹⁸ Касториadis К. Воображаемое установление общества. М., 2003. С. 164—166.

¹⁹ Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 70.

дигме не отрицается, но переосмысливается как интерсубъективность. Объективность правового института — это социальное представление, интериоризируемое в правосознания отдельных индивидов, воспроизводимое их практиками.

Вторая проблема, на которую обращают внимание рецензенты, — это недооценка значения объективных условий, формирующих как ментальности, так и правовые «практики»²⁰. Однако как положительный момент, насколько можно судить, рецензенты отмечают: «Авторы рецензируемого исследования рассматривают право в его “человеческом измерении” как совокупность правовых ментальностей, порождающих соответствующие практики, которые, в свою очередь, являются культурно-правовой средой, формирующей ментальности других людей. В работе доказано, что люди, с одной стороны, создают право, с другой стороны, сами являются продуктом права и культуры»²¹. Тем самым они опровергают свою критику того, что авторы монографии не учитывают объективные факторы: человек — это продукт культуры (хотя и не пассивный), и именно через культуру на него воздействуют «материальные» факторы. Полностью согласен с тем, что экономика, политика и т.д. — факторы, обуславливающие правовую политику (в широком смысле слова, включающую процессы как правообразования, так и реализации права), — в работе не рассмотрены. Это связано не только с тем, что этот важный вопрос потребовал бы значительного увеличения объема работы, но и с тем, что они воздействуют на правовую реальность, преломляясь в правовой культуре. Правовая культура определяется в монографии как знаковое опосредование права, выполняя одну из своих важнейших функций — источника правообразования. «Именно культура с помощью механизма означивания превращает людей, их действия и последствия, предметы материального мира в явления культуры. <...> Именно власть, используя свое монопольное право на номинацию, а тем самым объективные существующими и значимыми те или

иные социальные явления, определяет такие, казалось бы, “естественные” явления, как возраст (например, граница старости), болезнь, безработица, самоубийства, семья и др.»²² Тем самым, внешние, «материальные» факторы включаются в правовую реальность. Одна из основных идей книги как раз и состояла в том, чтобы показать этот механизм превращения «материального» в социальное и правовое.

Отдельной важной проблемой, на которую обращают внимание рецензенты, является определение интересов субъектов права. Во-первых, интересы акторов социальной жизни сложно эксплицировать по нескольким соображениям. Прежде всего, как справедливо заявляет С. Люкс, понятие «интересы» является непреодолимо оценочным. Это связано с тем, что «различные представления о том, что же такое интересы, ассоциируются с различными моральными и политическими позициями»²³. Интересы можно попытаться определить как то, что люди считают самым важным в своей жизни; можно — как субъективные предпочтения людей; можно также представить их как «необходимые условия человеческого благосостояния»; а можно — как то, что «конститутивно для благополучия, то есть содержание достойной жизни»²⁴. Но более важно, пожалуй, другое. Для того чтобы интересы стали основанием действий человека, которыми воспроизводится правопорядок, они должны быть осмыслены акторами как такие, которые соотносимы с действиями других акторов правовых интеракций и системой социальных норм, образующих содержание правопорядка. Но, во-первых, люди крайне редко рефлексируют свои действия, а действуют в основном на основе интериоризированных в процессе социализации типизаций социальных ситуаций. Во-вторых, у подавляющего большинства людей сегодня общественное мнение как четко выраженные представления о должном и правильном и средствах его достижения, а не мечтания о том, что хорошо быть богатым и здоровым, по многим, особенно сложным, юридически значимым ситуациям отсутствует. Общественное мнение, как показал

²⁰ Баев В. Г., Марченко А. Н. Указ. соч. С. 118.

²¹ Указ. соч. С. 118.

²² Социокультурная антропология права. С. 371—372, 374.

²³ Люкс С. Власть : Радикальный взгляд. М., 2010. — С. 58.

²⁴ Указ. соч. С. 118—121. Замечу, что разные экспликации интересов у С. Люкса во многом пересекаются.

²⁵ Вместо общественного мнения есть, «с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные

П. Бурдые, формируется и навязывается властью (в широком смысле, включая прежде всего СМИ, референтные группы)²⁵. Эффект символического господства состоит, по его мнению, в формировании «габитуса» — диспозиций, реализация которых порождает «практический разум», и упорядочивают представления актора о мире на уровне более низком, чем сознание²⁶. Не случайно Ж. Делез в свое время заметил: «...почему же происходит так, что люди, у которых вроде бы нет своего интереса, тесно смыкаются с властью, выключивают себе долю участия в ней? Быть может, это происходит потому, что в терминах инвестиции — столь же экономических, сколь и относящихся к языку бессознательного, корыстный интерес отнюдь не окажется определяющим словом, потому что есть инвестиции желания, объясняющие, почему мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса, — поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание, — но желать каким-то более глубинным и рассеянным образом, чем то диктует интерес»²⁷.

Во-вторых, интересы включаются в правовые типизации юридической повседневности и входят в мотивацию практик людей — носителей статуса субъекта права. Об этом написано в нашей работе следующее: «...люди руководствуются индивидуальными мотивами поведения, удовлетворяют соответствующие потребности, соотнося их с юридическими ожиданиями — ожиданиями адекватного поведения со стороны контрагента по взаимодействию и требованиями нормы права. При этом человек руководствуется преимущественно тремя основными мотивами, которые находятся в сложном пересечении и зачастую взаимодополняют друг друга: укрепления личной социальной зна-

чимости (например, карьерный рост); увеличения максимизации полезности (личной пользы); обеспечения стабильности существования (снижение нагрузки, увеличение предсказуемости, конформность) с учетом соотношения с возможным, должным или запрещенным поведением, сформулированным в норме права и конкретной жизненной ситуацией»²⁸.

Последнее замечание рецензентов касается того, что, по их мнению, не до конца раскрыта сама концепция первичного произвола и социальной амнезии. Открытым остается вопрос: как применить теорию первичного произвола — социальной амнезии к реальной истории человечества? В монографии нет попыток приложить указанную концепцию П. Бурдые к ситуациям реального правогенеза²⁹. Позволю себе не согласиться с мнением уважаемых рецензентов.

В § 6.2 «Конструируемость правонарушаемости» мною показано, как именно в нашей стране возник институт административных правонарушений, принципиально отличающийся от западного аналога³⁰, а в главе 7, посвященной исторической антропологии права, содержится чрезвычайно интересный для историка права материал М. К. Ивиной о конструировании института *peine forte et dure* в английском средневековом праве³¹.

Вышеизложенное, как представляется, наглядно свидетельствует о перспективности и научной значимости антрополого-правовых исследований, а также о том, что в этой программе — как и в любом другом научном проекте — содержатся сложные научные проблемы, нуждающиеся в дальнейших исследованиях. Некоторый оптимизм вселяет то, что наша работа не осталась незамеченной научным сообществом и, возможно, тем самым обретет новых последователей.

и группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных интересов, и, с другой стороны, — предрасположенности, которые по определению не есть мнение, если под этим понимать, как я это делал на протяжении всего анализа, то, что может быть сформулировано в виде высказывания с некой претензией на связности» (см.: Бурдые П. Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 177).

²⁶ См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. О габитусе см.: Там же. С. 107, 111, 557.

²⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. Ч. 1. С. 77.

²⁸ Социокультурная антропология права. С. 517—518.

²⁹ Баев В. Г., Марченко А. М. Указ. соч. С. 115.

³⁰ Социокультурная антропология права. С. 729—733.

³¹ Указ. соч. С. 819—837.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001.
2. Баев В. Г., Марченко А. Н. Рецензия на коллективную монографию «Социокультурная антропология права» (под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 840 с.) // Lex Russica. — 2015. — № 6. — С. 114—118.
3. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. — М., 2007.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. — М., 2012.
5. Бурдые П. Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики. — М., 1993.
6. Бурдые П. Практический смысл. — СПб., 2001.
7. Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации. — М., 2003.
8. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. — М., 2003.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М., 1995.
10. Касториадис К. Воображаемое установление общества. — М., 2003.
11. Люкс С. Власть : Радикальный взгляд. — М., 2010.
12. Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. — М., 2000.
13. Руднев В. П. Реальность как ошибка. — М., 2011.
14. Социокультурная антропология права : коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. — СПб., 2015.
15. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. — М., 2012.
16. Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью. — Ч. 1. — М., 2002.
17. Thomas W. Das Kind in Amerika // Person und Sozialverhalten / Hrsg. von E. Volkart. — Neuwied, 1965.

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2015 г.

PROSPECTS AND PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL ANTHROPOLOGY OF LAW: RESPONSE TO CRITICAL REMARKS

CHESTNOV Il'ya L'vovich — Doctor of Law, Professor at the Saint-Petersburg Institute of Law (Branch) of the Academy of the Procurator General of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation
 ichestnov@gmail.com
 191104, Russia, Saint-Peterburg, Liteinyi prospect, 44.

Review. In the «Lex Russica» journal (2015, number 6) there was a review of the monograph "The socio-cultural anthropology of law: multi-authored monograph", which I have co-edited and co-authored. Considering the critical remarks, it is important to formulate perspectives and partially solved problems of socio-cultural anthropology of law as a scientific research program. The reviewers point out that the important question of the role of objective interests of individuals and social groups as well as the majority of the population is poorly considered; moreover, the authors of the book actually ignore objective (independent of the will of the people and their mentality) influencing factors involved in the formation of the rule of law. However, the objectivity of the social sciences from the standpoint of post-classical (postnonclassical) epistemology is different from the classic design of scientific objectivity, formed by the natural sciences in that it is inherently intersubjective. It does not deny objectivity, but makes us rethink it: it is constructed by people their social representations, mediated by historical and socio-cultural context. Intersubjectivity indicates that law is a social phenomenon, both mediating and also including interpersonal interaction. Objectivity of legal doctrine is a social idea, internalized into a sense of justice of an individual and reproduced by their practices. Legal culture as a landmark mediation law, fulfilling one of its most important functions - source of law making, gives the legal significance to social events and processes. Interests are included in the legal typification of legal and everyday practices and are a part of the motivation of people - carriers of the status of a subject of law. People are guided by individual motives of conduct, satisfy relevant needs, relating them with legal expectations - the expectations of appropriate behavior on the part of the counterparty in the interaction and the requirements of the law. In the everyday legal routine a person is guided mainly by three main motives, which are in a difficult intersection and often complement each other: strengthening of personal social significance (e.g. career);

increase utility maximization (personal use); ensure the stability of the existence (load reduction, increase predictability, conformity) with regard to the correlation with possible, necessary or prohibited conduct stipulated in the rule of law and the specific life situation.

Keywords: *sociocultural anthropology of law; social action law; postclassical methodology of law; constructible law; intersubjectivity law.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — M., 2001.
2. *Baev V.G., Marchenko A.N.* Critical review // Sociocultural anthropology of law: multi-authored monograph / Isaeva N.A., Chestnova I.L. (eds.) — Saint Petersburg: Alef-Press, 2015. — 840 p. // Lex Russica — 2015. — № 6. — С. 114—118.
3. *Bek U.* Power in the Global Age: A New Global Political Economy. — M., 2007.
4. *Brubeiker R.* Ethnicity without Groups. — M., 2012.
5. *Burd'e P.* Public opinion does not exist // Burd'e P. Sociology of politics. — M., 1993.
6. *Burd'e P.* Practical sense. — Saint Petersburg, 2001.
7. *Giddens A.* The Construction of Society: Outline of the Theory of Structuration. — M., 2003.
8. *Devyatko I. F.* Sociological theories of activity and practical rationality. — M., 2003.
9. *Durkheim E.* Sociology and Its Scientific Domain. — M., 1995.
10. *Castoriadis K.* The Imaginary Institution of Society. — M., 2003.
11. *Luks S.* Power: A Radical View. — M., 2010.
12. *Rudnev V. P.* Away from the Reality: Studies on the Text Philosophy. - M., 2000.
13. *Rudnev V. P.* Reality as a Mistake. — M., 2011.
14. Sociocultural Anthropology of Culture: multi-authored monograph / Isaeva N.A., Chestnova I.L. — SPb., 2015.
15. *Urry J.* Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. — M., 2012.
16. *Fuko M.* Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Reports and Interviews. — Part 1. — M., 2002.
17. *Thomas W.* Das Kind in Amerika // Person und Sozialverhalten / Hrsg. von E. Volkart. Neuwied, 1965.